

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АТАМАНЧУК против РОССИИ»

(Жалоба № 4493/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Статья 10 • Свобода выражения мнений • Уголовное наказание, штраф и двухлетний запрет на журналистскую или издательскую деятельность, наложенную на предпринимателя за разжигание ненависти к этническим группам • Необоснованные утверждения без явного призыва к насилию • Временный запрет на журналистскую или издательскую деятельность, не имеющую существенных практических последствий, с учетом основной профессиональной деятельности заявителя как предпринимателя • Исключительные обстоятельства, оправдывающие вынесенные приговоры

СТРАСБУРГ

11 февраля 2020 года

Вступило в силу 12 октября 2020 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Атаманчук против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Пол Лемменс, *Председатель*,
Георгиос А. Сергидес,
Дмитрий Дедов,
Алина Полачкова,
Гилберто Феличи,
Эрик Уэннерстром,

Лоррен Шембри Орланд, *судьи*, и
Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 14 января 2020 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в в:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 4493/11) против Российской Федерации, поданной в Европейский Суд 18 января 2011 в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Владимира Леонидовича Атаманчука (далее — «заявитель»).

2. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. 23 января 2017 года Власти были извещены об указанных жалобах по статьям 6 и 10 Конвенции, а остальная часть жалобы была признана неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

4. Заявитель, 1951 года рождения, проживает в г. Сочи.

5. В период рассматриваемых событий заявитель был руководителем местного отделения Демократической партии России и учредителем местной газеты «Сочи – другой Взгляд», тираж которой составляет 8 000 экземпляров. Он также иногда публиковал статьи в других местных газетах, по-видимому, в качестве фрилансера.

6. 1 марта 2008 года в местной газете «Лазаревская панорама», выходящей тиражом 10 000 экземпляров, была опубликована статья заявителя под заголовком «Почему я не буду голосовать на этих выборах», в которой заявитель объяснял, почему он воздержится от участия в президентских выборах, которые должны были состояться 2 марта 2008 года.

7. Статья была размещена на первой полосе газеты с крупным

красным заголовком «Время голосовать». У статьи было также два подзаголовка («Да!» – красными буквами и «Нет ...» – черными буквами). Текст был разделен на две колонки: в левой были изложены заявления пяти человек, которые собирались голосовать, в то время как в правой колонке была напечатана статья заявителя.

8. В статье заявителя говорилось, в частности, следующее:

«Скоро у нас состоятся выборы в президенты. На этот раз сложно понять игру добра со злом ... Мое же решение таково.

Прежде всего, я не марионетка в руках политических групп, которые делают фарс из президентских выборов. Им необходимо наше участие в выборах только для того, чтобы создать впечатление законного процесса, который приведет к развалу России. Этим можно объяснить печальные результаты правления двух последних руководителей страны. В результате мы имеем то, что имеем: широко распространенную коррупцию на обширной платформе из лжи, созданной прессой под контролем государства и олигархов. С экранов телевизоров на нас льются потоки общих фраз, безразличности и агрессивной пропаганды в поддержку насилия ...

Вот как это все происходит. Однако все это изображается как реконструкция государства, укрепление экономики и верховенства закона на фоне растущего благосостояния народа.

«Какого народа?», подумал я вдруг. «Разве это имеет значение?», прозвучал ответ с телеэкрана, «Было бы политически некорректно давать конкретный ответ на этот вопрос, чтобы избежать жалоб...»

Во-вторых, за пятнадцать лет демократии «нового стиля» ни один [русский человек] не увидел ничего хорошего. Его опустили до уровня невежды, который должен обслуживать различные небольшие этнические группы, называющие себя «республиками», в России или где-либо еще ... В России, разрушенной большевиками, их называли «нерусскими» или «нерусским населением» ... И в то время на это никто не обижался. Все проживали в своей местности, стараясь сделать ее богаче. Никого это не раздражало.

Что случилось дальше? Где мы находимся сегодня?

Те, кто ввиду своих этнических [национальных] особенностей, занимались преступной деятельностью или ухаживали за своими овцами или козами, или молились своему богу, покинули свою родину и пришли сюда. Теперь они называют себя строителями, предпринимателями, деятелями культуры или кем-то еще, чтобы запустить руки в чужой карман.

Просто посмотрите вокруг, и вы увидите, как их скопления жадно смотрят на вас на каждом углу ...

«Мы победим вас всех. Мы удерживаем весь этот кубанский народ», – говорят они на закрытых заседаниях на своем родном языке, который не понимают 99% россиян.

Но позже они заговорят по-русски, когда полностью парализуют нашу волю. Вот тогда они начнут жечь, убивать, насиловать, грабить и поработать в соответствии со своими варварскими идеями, как это было в Чечне.

А пока это называется «дружба и солидарность между народами». Но это только пока. А президент России раздает награды «Герой России» лицам, занимающимся торговлей льдами! ...

Они участвуют в разрушении страны ... Сегодня в нашем обществе доминируют различные процессы разрушения. Вот почему я не буду участвовать в выборах ...

Однако, я выражаю надежду, что при принятии своих решений новый Президент учтет мнения, которое я высказал от себя лично и от имени тех, кто не собирается голосовать 2 марта 2008 года».

9. Статья сопровождалась фотографией заявителя и сообщением о том, что он является руководителем местного отделения Демократической партии России.

10. Этот же текст был перепечатан в газете «Сочи – другой взгляд» 25 декабря 2009 года. На первой полосе газеты была статья под заголовком «В Сочи началась кампания уголовного преследования по политическим мотивам» о возбуждении уголовного дела в отношении заявителя в связи с этой статьей (см. ниже). Статья была перепечатана мелким шрифтом внизу на той же странице.

11. На другой странице этого же номера газеты «Сочи – другой взгляд» приводились различные мнения о статье заявителя и о вводимом в отношении него уголовном преследовании. Один комментарий был дан юристом, который считал, что основная тема статьи касалась различных разрушительных процессов в стране, возникающих, например, из-за неэффективной миграционной политики, на которую отрицательно влияет широко распространенная коррупция; в то же время статья не содержала призывов к действию, в частности, к насильственным действиям, и не могла быть классифицирована как «экстремистская деятельность». В статье также содержалось заявление лидера Лазаревского районного отделения Союза армян России. Тут же было приведено «открытое письмо» заявителя в ответ на это заявление. В нем указывалось, что 17 декабря 2009 года заявитель провел встречу с членами Лазаревского районного отделения.

12. Как следует из материалов дела, обе газеты распространялись бесплатно – их просто разносили по почтовым ящикам жителей на нескольких улицах в районе Сочи, в том числе, в селе Лазаревское, что касается второй публикации.

13. Тем временем была начата доследственная проверка по подозрению в разжигании ненависти и вражды и унижении человеческого достоинства человека или группы людей по причине их этнической принадлежности. В связи с этим в августе 2009 года следователь запросил мнение специалистов в области лингвистики и психологии.

14. 5 ноября 2009 года специалисты в области лингвистики и психологии, Б. и Р., издали совместное заключение. В заключении говорится следующее: проанализированный текст содержал заявления, раскрывающие негативное отношение к социальной группе на основе ее этнической принадлежности, языка и религии; некоторые фразы распространяли негативные характеристики некоторых членов неславянской группы на всю группу как таковую; текст не содержал фраз, призывающих к насилию над ними.

15. 24 ноября 2009 года, а затем в январе 2010 года заявитель был

обвинен в совершении преступления, предусмотренного пунктом 1 статьи 282 Уголовного кодекса, в отношении каждой публикации. Это преступление каралось, в частности, штрафом от 100 000 до 300 000 российских рублей (руб.); суд также мог запретить лицу заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Заявителю было предъявлено обвинение в совершении действий, направленных на разжигание ненависти и вражды, а также на унижение человеческого достоинства человека или группы лиц в связи с их этнической принадлежностью (*национальностью*), языком, происхождением и религиозными убеждениями.

16. В ходе предварительного следствия Ф., филолог, также издал *заключение специалиста*.

17. Согласно докладу Ф., данная статья содержала скрытое подстрекательство к насильственным действиям против лиц определенной социальной группы по признаку их этнической принадлежности, расы, религии или других социальных характеристик.

18. Следователь по делу заказал еще одно *заключение эксперта*.

19. 29 января 2010 года специалисты в области лингвистики и психологии, Л. и, как и ранее, Р., издали совместное заключение.

(а) Лингвистическая часть заключения гласила следующее: содержание текста заявителя касалось политических и социальных вопросов, адресованных большой аудитории; основная часть текста начиналась с фразы «Какой народ?», которая предваряла последующее обсуждение, основанное на противопоставлении русского народа и лиц нерусского происхождения; автор представил их «этнические особенности» как причины страданий русского народа; автор использовал то, что можно описать в лингвистике как «язык вражды» или агрессивный язык, создающий образ врага; он использовал выражения, которые были бы оскорбительными для любой этнической группы; хотя он не назвал какую-либо конкретную группу, из контекста было ясно, что он имел в виду (в основном неславянские) этнические группы Центральной Азии, Северного Кавказа и Закавказья; из определенных частей текста было ясно, что он говорит, помимо прочего, об армянской национальности; текст не содержал фраз, призывающих к насильственным действиям против какого-либо лица или группы лиц в связи с его/ее/их социальным статусом, расой, этнической принадлежностью, языком, полом или религией.

(б) Часть заключения, касающегося психологии, гласила следующее: в статье содержались фразы, раскрывающие негативное отношение к социальной группе по признаку ее этнической принадлежности, языка и религии; эти фразы могут восприниматься как побуждающие читателей испытывать ненависть и вражду; текст не содержал фраз, призывающих к насильственным действиям против лица или группы людей в связи с его/ее/их социальным статусом, расой, этнической принадлежностью,

языком, полом или религией.

20. Уголовное дело в отношении заявителя было назначено к рассмотрению в Лазаревском районном суде г. Сочи. Заявитель не признал себя виновным и подтвердил, что текст отражает его личные взгляды и мнения.¹ После незначительных стилистических изменений со стороны редактора газеты заявитель утвердил публикацию, подписав макет номера газеты. Заявитель также утверждал, что он не имел никакого отношения к публикации его статьи 25 декабря 2009 года (см. пункт 10 выше).

21. Суд изучил документальные доказательства, включая заключения экспертов, и заслушал нескольких свидетелей защиты. Суд отклонил ходатайство заявителя о вызове Ф. для допроса в суде по поводу его заключения. По-видимому, ни сторона обвинения, ни сторона защиты не посчитали необходимым получать устные показания от других экспертов, заключения которых были приняты в качестве доказательств.

22. Решением от 19 июля 2010 года районный суд признал заявителя виновным в разжигании ненависти и вражды, унижающих человеческое достоинство лица или группы лиц по причине их этнической принадлежности, языка, происхождения и религиозных убеждений. Суд первой инстанции сформулировал обвинение против заявителя следующим образом:

«Преднамеренным и заранее продуманным образом, [заявитель] сформулировал основную часть своего текста путем противопоставления лиц русской национальности [*русского народа*] и представителей других [*национальностей*], проживающих в России, делая заявления, которые оскорбляют и унижают достоинство лиц любой этнической принадлежности; он указал, что проблемы русского населения связаны с этническими особенностями нерусских групп, тем самым создавая из таких групп образ врагов.

Более того, оценка [заявителем] положения людей русского происхождения является намеренно провокационной, направленной на разжигание в людях русской национальности ненависти к другим национальностям.

Давая отрицательную оценку какой-либо группе по причине ее происхождения, нерусской этнической принадлежности или по причине ее языка или религиозных убеждений, [заявитель] сделал заявления о преступной склонности этих групп и подтвердил существование их заговора против кубанцев [то есть, жителей Краснодарского края]. Он приписал нерусским жителям дурные намерения по отношению к русскому населению, создав тем самым негативный образ людей, склонных к совершению преступлений на Кубани ...

Более того, в своей статье [заявитель] охарактеризовал людей нерусского происхождения как по своей сути невежественных, грубых, жестоких, бесчеловечных, агрессивных и склонных к преступлениям против русского населения, имеющих тайные планы и заговоры против людей русской национальности.

1. Однако в своей жалобе в Европейский Суд заявитель утверждал, что указанный текст отражает его собственные взгляды как частного лица (избирателя), корреспондента газеты и руководителя местного отделения Демократической партии России.

Заявления [заявителя] о будущих насильственных действиях со стороны нерусских этнических групп по отношению к русским людям сформулированы как заявления, которые нельзя проверить относительно их правдивости, поскольку они не имеют фактической основы и не выходят за рамки его собственных предположений ...

Четко осознавая, что Краснодарский край является многоэтничным регионом и что газетные статьи активно влияют на многих людей, [заявитель] распространял свои убеждения, тем самым подрывая доверие и уважение к определенной этнической принадлежности, определенной религии и разжигая ненависть и вражду к определенному образу жизни, культуре, традициям и религиозным культам нерусского населения ...»

Воспроизводя заключительные комментарии заключений экспертов, доклад Ф. и перечисляя другие доказательства по каждому пункту обвинения, суд пришел к выводу, что заявитель виновен по всем пунктам.

23. Что касается публикации статьи заявителя в газете «Сочи – другой взгляд» 25 декабря 2009 года, суд отметил, что заявитель был учредителем этой газеты, что он подписал разрешение на печать соответствующего выпуска этой газеты и оплатил его, а затем получил весь тираж и распространил его.

24. Суд первой инстанции приговорил заявителя к штрафу в размере 200 000 рублей (5 086 евро по курсу на момент рассматриваемых событий) за каждую публикацию статьи. Он также вынес дополнительное наказание, запрещающее заявителю заниматься журналистской или издательской деятельностью в течение двух лет. Отмечая истечение срока судебного преследования в отношении первой статьи, суд постановил, что соответствующие приговоры не должны исполняться в отношении первой статьи.

25. Суд также постановил следующее:

«Автор сделал явно провокационные заявления, оценивая положение русского народа, тем самым побуждая своих читателей русского происхождения испытывать ненависть к другим этническим группам.

Автор высказал негативное мнение о том, что различные группы в силу их происхождения, отличаются от русских ... Тем самым, автор сделал преднамеренные заявления относительно преступной предрасположенности определенных групп, утверждая о заговоре лиц нерусской национальности против населения Кубани (то есть русских, проживающих в Краснодарском крае) ... Он говорил, что у нерусских есть планы вредить русским, таким образом создавая негативный образ нерусских ... Он описывал нерусских как невежественных, грубых, жестоких или бесчеловечных лиц ... Это предположения направлены на вселение страха ...

Что касается типа приговора и его тяжести, суд принимает во внимание характер и степень опасности соответствующих преступлений, информацию о личности подсудимого, обстоятельства, которые способствуют смягчению или отягчению наказания, и возможность приговора исправить поведение ответчика.

В соответствии со статьей 15 Уголовного кодекса, два преступления, совершенные обвиняемым, являются преступлениями небольшой тяжести. Соседи обвиняемого дали в отношении него положительные отзывы. Никаких

смягчающих или отягчающих обстоятельств ... установлено не было ... Ввиду вышеизложенного и исходя из цели восстановления справедливости и принципа соразмерности, [принимаются во внимание следующие элементы:] воздействие наказания с точки зрения исправления поведения подсудимого и то, что он в первый раз совершил эти преступления небольшой тяжести, что он заботился о пожилой матери, и осуществлял деятельность в качестве индивидуального предпринимателя. Таким образом, суд налагает наказание в виде штрафа. Учитывая, что все правонарушения касались журналистской деятельности, суд считает необходимым назначить дополнительное наказание, запрещающее ему заниматься определенным видом деятельности ... »

26. Заявитель обжаловал решение суда, указав, *среди прочего*, что отказ суда первой инстанции вызвать «свидетеля защиты» Ф. подорвал права стороны защиты. Заявитель указал, что Ф. был допрошен в ходе предварительного следствия в качестве «специалиста», а затем представил доклад (см. пункт 17 выше).

27. 8 сентября 2010 года Краснодарский краевой суд оставил данное решение без изменения, опираясь на заключения экспертов. Он не сделал никаких выводов, касающихся отсутствия у сторон возможности задать вопросы Ф. во время судебного разбирательства.

28. По неуказанным причинам заявитель не уплатил штраф. 22 августа 2011 года Лазаревский районный суд г. Сочи рассмотрел ходатайство судебного пристава, установил, что заявитель явно уклонился от уплаты штрафа, и заменил назначенный штраф на двести часов общественных работ.

II. ДРУГИЕ ПРИМЕНИМЫЕ МАТЕРИАЛЫ

29. 8 декабря 2015 года Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРН) Совета Европы приняла Общеполитическую рекомендацию № 15 о борьбе с языком ненависти. В соответствующей части данная рекомендация гласит:

«Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетерпимостью (ЕКРН):

Рекомендует властям государств-членов:

10. принять надлежащие и действенные меры против публичного использования языка ненависти, который предназначен или обоснованно может служить к подстрекательству или его использование обоснованно может привести к подстрекательству других на совершение актов насилия, запугивания, вражды или дискриминации в отношении тех, на кого он направлен, в рамках уголовного законодательства при условии, что ни одна другая менее ограничительная мера не будет эффективной и уважается право на свободу выражения, для чего следует:

а. обеспечить наличие четкого определения состава преступления и определить обоснованную необходимость применения уголовного наказания;

б. проследить, чтобы охват этих преступлений определялся таким образом,

чтобы позволить его применять независимо от развития технологий;

c. обеспечить, чтобы преследование за эти преступления осуществлялось на недискриминационной основе и не использовалось для подавления критики официального курса, политической оппозиции или религиозных убеждений;

d. обеспечить активное участие лиц, пострадавших от языка ненависти, в ходе соответствующих разбирательств;

e. предусмотреть наказание за указанные преступления, которые учитывают и серьезные последствия разжигания ненависти, и необходимость пропорционального ответа;

f. осуществлять мониторинг эффективности расследования жалоб и судебного преследования правонарушителей с целью укрепления этих механизмов;

g. обеспечить эффективное сотрудничество/ координацию между полицией и органами прокуратуры...»

30. В Пояснительном меморандуме к данной рекомендации, в соответствующей части, указывается следующее:

«16. ... для оценки того, имеется или не имеется риск совершения соответствующих действий, необходимо учитывать конкретные обстоятельства использования языка ненависти. В частности, следует рассмотреть (а) контекст, в котором используется рассматриваемый язык ненависти (в частности, существует ли уже в обществе серьезная напряженность, с которой связан язык ненависти); (б) способность лица, использующего язык ненависти, оказать влияние на других лиц (например, в силу того, что эти лица являются политическими, религиозными или общественными деятелями); (в) природа и сила используемого языка (например, является ли он провокационным и прямым, используется ли ложная информация, создание негативных стереотипов и стигматизация или способен ли используемый язык побуждать к актам насилия, запугивания, вражды или дискриминации); (г) контекст конкретных замечаний (являются ли они единичным случаем или высказывались несколько раз, и можно ли считать, что они уравновешиваются другими заявлениями того же или другого лица, особенно в ходе дебатов); (д) используемая среда или средство информации (возможен ли немедленный ответ аудитории, например, на интерактивном мероприятии); и (е) качества аудитории (имеются ли средства и склонность или восприимчивость к участию в актах насилия, запугивания, вражды или дискриминации).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

31. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 10 Конвенции на его уголовное осуждение за разжигание ненависти и вражды, и унижение человеческого достоинства лица или группы лиц в связи с их этнической принадлежностью, языком, происхождением и религиозными убеждениями.

32. В частях, имеющих отношение к данному делу, статья 10 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных

властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц...»

А. Доводы сторон

33. Прежде всего, ссылаясь на прецедентную практику Европейского Суда, Власти упомянули, что данная жалоба должна быть отклонена со ссылкой на статью 17 Конвенции. Власти утверждали, что вмешательство в настоящее дело (осуждение заявителя по уголовному делу) было направлено на защиту прав других лиц, предотвращение беспорядков и «разрешение потенциального конфликта правовыми средствами». Возникла острая социальная необходимость положить конец распространению провокационных публикаций. Статьи заявителя могли спровоцировать насилие и негативно повлиять на российский *правопорядок*. Заявитель намеревался использовать агрессивный язык, чтобы создать у своих читателей образ врага для разжигания и углубления сильных разрушительных чувств, ненависти и гнева. Если Суд сочтет статью 17 Конвенции неприменимой, то Власти заявляют, что уголовное наказание являлось пропорциональной мерой в обстоятельствах данного дела.

34. Заявитель настаивал на своей жалобе.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

35. Суд считает, что ссылка Властей на статью 17 Конвенции и, следовательно, соображения, касающиеся применимости статьи 10, тесно связаны с существом жалобы по этой статье и, следовательно, должны быть объединены с существом жалобы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Peringek v. Switzerland*)), жалоба № 27510/08, пункт 115, ECHR 2015 (извлечения), и постановление Европейского Суда от 13 марта 2018 года по делу «Стерн Таулац и Роура Капельера против Испании» (*Stern Taulats and Roura Capellera v. Spain*), жалоба №№ 51168/15 и 51186/15, пункт 23).

36. Европейский Суд отмечает, что данная часть жалобы по статье 10 Конвенции не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

2. *Существо жалобы*

37. В той степени, в которой заявитель может сослаться на статью 10 Конвенции, Европейский Суд напоминает, что «вмешательство» нарушает статью 10 Конвенции, если только оно не удовлетворяет требованиям пункта 2 этого положения. Таким образом, остается установить, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом», преследовало ли оно одну или несколько законных целей, закрепленных в указанном пункте, и было ли оно «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанных целей.

(a) «Предусмотрено законом»

38. Суд отмечает, что осуждение заявителя основывалось на статье 282, ч. 1, Уголовного Кодекса РФ. Он не привел никаких конкретных аргументов в отношении того, было ли это «вмешательство» «предусмотрено законом». Суд считает, что этот критерий был соблюден в настоящем деле.

(b) Законные цели

39. Власти упомянули цель защиты прав других людей, предотвращения беспорядков и «разрешения потенциального конфликта правовыми средствами». По их мнению, статьи заявителя могли спровоцировать насилие и могли негативно повлиять на российский *правопорядок*.

40. Заявитель был осужден за разжигание ненависти и вражды и унижение достоинства «группы лиц» по причине их «этнической принадлежности, языка, происхождения и религии». Как отмечалось, по крайней мере, в одном из экспертных заключений, заявитель не называл в своей статье какую-либо конкретную группу, за исключением косвенного упоминания армянской этнической группы. Национальный суд установил, что в своей статье заявитель говорил о людях, проживающих в Краснодарском крае и являющихся «нерусскими» в том смысле, что они были нерусской национальности и/или прибыли в Россию из другой страны и/или говорили на языке, отличном от русского и/или имели иные религиозные убеждения (очевидно, отличающиеся от большинства населения региона). По-видимому, заявитель не оспаривал это толкование. Суд считает это установленным и, таким образом, примет это во внимание. Действительно, заявитель утверждал, со ссылкой на «этнические особенности», что члены этих групп занимались преступной деятельностью и что, проживая в России, они продолжали преступное поведение. С другой стороны, заявитель противопоставлял эти группы «русскому» населению в смысле этнической принадлежности.

41. В то же время, из содержания статьи видно, что в ней также говорилось о том, что эти группы или их отдельные члены

«мигрировали» в Россию. Этот аспект также имеет отношение к делу, хотя и является второстепенным.

42. Ввиду вышеизложенных соображений, Суд признает, что «вмешательство» в настоящее дело было направлено на защиту «прав других лиц», в частности, достоинства людей нерусской национальности, проживающих в Краснодарском крае России. В постановлении Большой Палаты по делу «Аксу против Турции» (*Aksu v. Turkey*) (жалобы №№ 4149/04 и 41029/04, пункты 44, 53-54, 61 и 81, ECHR 2012) Суд отметил, что дискриминация на основании, *помимо прочего*, этнической принадлежности является формой расовой дискриминации. Расовая дискриминация является особо возмутительным видом дискриминации и, в свете своих опасных последствий, требует от властей особой бдительности и незамедлительной реакции. Суд также постановил, *помимо прочего*, что негативные стереотипные представления об этнической группе были способны, при достижении определенного уровня, оказывать влияние на ощущение идентичности группы и на чувства собственного достоинства и уверенности в себе ее членов (там же; см. также постановление Европейского Суда от 10 октября 2019 года по делу «Левит против Австрии» (*Lewit v. Austria*), жалоба № 4782/18, пункты 46-47 и 82-87).

43. По мнению Суда, нет никаких оснований во внутригосударственной оценке для утверждения Властей о преследовании заявителя в связи с риском насилия или, в более общем смысле, любым риском беспорядка. Чтобы обосновать эту законную цель, необходимо продемонстрировать, что заявления заявителя были «способны привести» или фактически приводили к беспорядкам - например, в форме народных волнений, таких как массовые выступления, - и что национальные власти имели это в виду, когда действовали с целью наказать его (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункты 146 и 151-53). Не оспаривается, что статья заявителя не содержала прямых или косвенных призывов к насилию. Действительно, суд, судя по всему, не следовал выводу, сделанному в докладе Ф. о том, что заявления заявителя содержали косвенный призыв к насильственным действиям против группы лиц (см. пункты 17 и 22 выше).

44. Кроме того, в отсутствие достаточных подробностей, Суд не усматривает, была ли ссылка Властей на «неблагоприятные последствия для российского правопорядка» или «разрешение потенциального конфликта правовыми средствами» ссылкой на законные цели с точки зрения пункта 2 статьи 10 Конвенции.

45. Далее Суд перейдет к вопросу о том, было ли (убедительно доказано, что) вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнений «необходимым в демократическом обществе» для достижения

законной цели защиты «прав других лиц», как они были описаны выше (см. также упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу *«Перинчек против Швейцарии»*), пункт 156, и постановление Европейского Суда от 4 ноября 2008 года по делу *«Балсите-Лидейкиене против Литвы»* (*Balsyte-Lideikiene v. Lithuania*), жалоба № 72596/01, пункт 73).

(с) «Необходимость в демократическом обществе»

(i) Общие принципы

46. Свобода выражения мнения составляет одну из существенных основ демократического общества и является главным условием развития общества и самовыражения каждого из его членов. Согласно пункту 2 статьи 10, она применяется не только к «информации» или «идеям», признанным правильными, безобидными или нейтральными, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или вызывают беспокойство. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых не существовало бы «демократического общества» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 29 марта 2016 года по делу *«Бедат против Швейцарии»* (*Bedat v. Switzerland*), жалоба № 56925/08, пункт 48).

47. Суд вновь заявляет, что оскорбительная лексика может выходить за рамки защиты свободы выражения мнений, если она равносильна непристойному унижению; однако использование вульгарных фраз само по себе не имеет решающего значения для оценки оскорбительного выражения, поскольку оно вполне может служить лишь стилистическим целям. Стилль является частью коммуникации как формы выражения и как таковой защищен вместе с содержанием выраженных идей и информации (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 2010 года по делу *«Гюль и другие против Турции»* (*Gul and Others v. Turkey*), жалоба № 4870/02, пункт 41, и постановление Европейского Суда от 22 ноября 2016 года по делу *«Гребнева и Алисимчик против России»* (*Grebneva and Alisimchik v. Russia*), жалоба № 8918/05, пункт 52, и цитируемые в них прецеденты).

48. Как указано в статье 10, свобода выражения мнения допускает ряд исключений, которые, однако, должны строго регламентироваться, и необходимость любых ограничений должна быть убедительно определена (см. в качестве недавнего источника, постановление Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу *«Сатакуннан Марккинапорсси Оу и Сатамедия Оу против Финляндии»* (*Satakunnan Markkinaporssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*), жалоба № 931/13, пункт 124).

49. Задачей Европейского Суда при исполнении надзорных функций является не исполнение обязанностей компетентных национальных органов, а только пересмотр решений компетентных национальных

органов согласно статье 10 Конвенции, вынесенных ими в соответствии с их полномочиями по оценке. Это не означает, что надзор ограничен в установлении того, действовало ли государство-ответчик по своему усмотрению здраво, осмотрительно и добросовестно; перед Судом стоит задача оценить обжалуемое вмешательство в свете дела в целом и определить, было ли оно «соразмерным преследуемой законной цели», а также являются ли причины, представленные национальными властями для обоснования этого, «достаточными и существенными». Поступая таким образом, Суд должен убедиться также в том, что национальные власти применяли нормы, соответствующие принципам статьи 10 и, более того, что их применение основывалось на приемлемой оценке обстоятельств, относящихся к делу (см., помимо прочих прецедентов, упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «*Перинчек против Швейцарии*», пункт 196).

50. При оценке конкретного случая «вмешательства» в свободу выражения мнения в данном типе дел следует принимать во внимание различные факторы, в том числе: контекст, в котором были сделаны оспариваемые заявления, их характер и формулировку, их способность привести к вредным последствиям и причины, приведенные национальными судами для оправдания рассматриваемого вмешательства; были ли заявления сделаны на фоне напряженного политического или социального фона; могут ли заявления, справедливо истолкованные и рассматриваемые в их непосредственном или более широком контексте, рассматриваться как прямой или косвенный призыв к насилию или как оправдание насилия, ненависти или нетерпимости; способ, которым были сделаны заявления, и их способность - прямая или косвенная - привести к вредным последствиям. Исход конкретного дела определяется взаимодействием между различными факторами, а не каким-либо одним из этих факторов, взятым в отдельности (см. постановление Европейского Суда от 17 июля 2018 года по делу «*Мария Алехина и другие против России*» (*Mariya Alekhina and Others v. Russia*), жалоба № 38004/12, пункты 217-21, и постановление Европейского Суда от 28 августа 2018 года по делу «*Ибрагим Ибрагимов и другие против России*» (*Ibragim Ibragimov and Others*), жалобы №№ 1413/08 и 28621/11, пункт 99).

51. Оценивая, могут ли заявления рассматриваться как прямой или косвенный призыв к насилию или как оправдание насилия, ненависти или нетерпимости, Суд был особенно чувствителен к необоснованным заявлениям, оскорбляющим или выставляющим в негативном свете этнические, религиозные или другие группы в целом (см. решение Европейского Суда от 18 мая 2004 года по делу «*Сеуро против Франции*» (*Seurot v. France*), жалоба № 57383/00; постановление Европейского Суда от 10 июля 2008 года по делу «*Сула и другие против Франции*» (*Soulas and Others v. France*), жалоба № 15948/03, пункты 40 и 43; и

решение Европейского Суда от 20 апреля 2010 года по делу «Ле Пен против Франции» (*Le Pen v. France*), жалоба № 18788/09, во всех указанных решениях речь идет в целом о негативных высказываниях в отношении неевропейцев и, в частности, мусульманских иммигрантов во Франции; решение Европейского Суда по делу «Норвуд против Соединенного Королевства» (*Norwood v. the United Kingdom*), жалоба № 23131/03, ECHR 2004-XI, которое касалось заявлений, связывающих всех мусульман в Соединенном Королевстве с террористическими атаками в Соединенных Штатах Америки 11 сентября 2001 года; решение Европейского Суда от 2 сентября 2004 года по делу «В.П. и другие против Польши» (*W.P. and Others v. Poland*), жалоба № 42264/98, и решение Европейского Суда от 20 февраля 2007 года по делу «Павел Иванов против России» (*Pavel Ivanov v. Russia*), жалоба № 35222/04, оба указанных решения касались яростных антисемитских заявлений; постановление Европейского Суда от 16 июля 2009 года по делу «Фере против Бельгии» (*Feret v. Belgium*), жалоба № 15615/07, пункт 71, касающееся заявлений, изображающих неевропейские иммигрантские общины в Бельгии как преступно настроенные; решение Европейского Суда от 12 июня 2012 года по делу «Хизб ут-Тахрир и другие против Германии» (*Hizb ut-Tahrir and Others v. Germany*), жалоба № 31098/08, пункт 73, и постановление Европейского Суда от 14 марта 2013 года по делу «Касымахунов и Сайбаталов против России» (*Kasymakhunov and Saybatalov v. Russia*), жалобы №№ 26261/05 и 26377/06, пункт 107, которые касались прямых призывов к насилию против евреев, государства Израиль и Запада в целом).

52. Поэтому, провоцирование ненависти не обязательно должно выражаться в призыве к насилию или другим преступным действиям. Нападки на личность в форме оскорблений, а также насмешки и клевета в отношении определенной группы населения могут оправдать борьбу властей с ксенофобскими и иными дискриминационными высказываниями, так как это является осуществлением свободы выражения мнения в недопустимой форме (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Фере против Бельгии», пункт 73; см. также постановление Европейского Суда от 9 февраля 2012 года по делу «Вейделанд и другие против Швеции» (*Vejdeland and Others v. Sweden*), жалоба № 1813/07, пункт 55; постановление Европейского Суда от 3 октября 2017 года по делу «Дмитриевский против России» (*Dmitriyevskiy v. Russia*), жалоба № 42168/06, пункт 99; и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против России», пункт 94).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к обстоятельствам настоящего дела

53. В своей статье заявитель утверждал, что представил свои аргументы в пользу своего решения не голосовать на предстоящих выборах. Его рассуждения побудили его спросить о понятии «народа»,

че богатство росло, согласно некоторым оценкам. Его последующие рассуждения могут быть восприняты как предполагающие, что люди русской национальности пострадали, и виноваты в этом были нерусские группы. Его статья заканчивалась обращением к новому президенту России для решения связанных с этим вопросов.

54. Заявитель утверждал, со ссылкой на «этнические особенности», что члены этих групп занимались преступной деятельностью и что, находясь в России, они продолжали вести себя преступно, «запуская руки в чужой карман» и сговорившись против «жителей Кубани». Заявитель утверждал, что члены этих групп будут «убивать, насиловать, грабить и порабощать в соответствии со своими варварскими идеями» и что они «будут участвовать в уничтожении» России.

55. Затем заявитель был осужден за свою статью, которая, по мнению национальных судов, разжигала ненависть и вражду и унижала достоинство группы людей по причине их этнической принадлежности, языка, происхождения и религии.

56. За каждую публикацию статьи заявитель был приговорен к штрафу в размере 200 000 рублей (около 5 086 евро на тот момент)², а также был лишен права заниматься журналистской или издательской деятельностью в течение двух лет. Отмечая истечение срока судебного преследования в отношении первой статьи, суд постановил, что соответствующие приговоры не должны исполняться в отношении первой публикации статьи.

57. Что касается языка, использованного в рассматриваемой статье, Суд считает, что подобный язык был использован с целью «оскорбить, шокировать или вывести из равновесия». Отметив это, Европейский Суд напоминает, что именно взаимодействие различных факторов, а не любого из них, взятого в отдельности, приводит к выводу, что конкретное утверждение представляет собой выражение, которое не может требовать защиты по статье 10 или которое может наказываться в порядке уголовного преследования, например, в соответствии с законодательством о «разжигании ненависти», как в настоящем деле.

58. Это не оспаривается, и Европейский Суд признает, что основания, приведенные национальными судами для осуждения заявителя, были важны для достижения законной цели (см. выше пункт 42). Остается установить, были ли эти причины достаточными в контексте настоящего дела.

59. В этой связи Суд отмечает, что оспариваемый текст был впервые опубликован во время и в связи с продолжающейся избирательной кампанией в 2008 году (сравните упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Фере против Франции», пункт 79).

² Штраф за второе нарушение был затем заменен на двести часов общественных работ из-за неуплаты заявителем штрафа.

Основная идея статьи заявителя состояла в том, чтобы представить его взгляды относительно (не)участия в предстоящих выборах.

60. В то же время Европейский Суд не усматривает особой логики или существа в последующем дискурсе заявителя, касающемся отрицательной роли нерусских групп *по отношению к* начальной обсуждаемой теме. Его рассуждения не могут быть разумно восприняты как комментарии, критикующие какую-либо конкретную политику правительства, например, в отношении миграции.

61. Тем не менее, даже если утверждение считается оценочным суждением, пропорциональность вмешательства может варьироваться в зависимости от того, действительно ли существует «фактическое обоснование» оспариваемого заявления: если обоснования нет, такое оценочное суждение может оказаться чрезмерным (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морис против Франции» (*Morice v. France*), жалоба № 29369/10, пункт 126, ECHR 2015 и процитированные в нем дела). Суд согласен с внутригосударственными судами в том, что статья заявителя не содержала таких достаточных фактических оснований. В показаниях заявителя в национальных судах или в Европейском Суде нет ничего, что могло бы послужить какой-либо основой для резких замечаний о жителях нерусских этнических групп в Краснодарском крае и негативных стереотипов (сравните упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Аксу против Турции», пункты 71 и 72).

62. В этом контексте сомнительно, было ли содержание статьи заявителя «способно внести вклад в общественные дебаты» по соответствующему вопросу (для сравнения см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Беда против Швейцарии», пункты 64-66) или что «основная цель» статьи заключалась именно в этом (для сравнения см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Компании «Сатакуннан Марккинапорсси Оу и Сатамедиа Оу» против Финляндии», пункт 174) в настоящем деле, по вопросу голосования на выборах или воздержания от него.

63. Суд также отмечает, что статья заявителя была опубликована в газетах с тиражами 8 000 и 10 000 экземпляров, распространяемых в городе Сочи, который, как указал суд первой инстанции, хотя и достаточно поверхностно, находился в «многоэтническом регионе».

64. Суд согласен с национальными судами в том, что формулировка оспариваемых заявлений может быть обоснованно оценена как разжигание низменных эмоций или укоренившихся предубеждений в отношении местного населения нерусской национальности. Таким образом, несмотря на то, что не считалось, что в статье содержался какой-либо явный призыв к актам насилия или другим преступным действиям, определенная реакция национальных властей находилась в пределах их свободы усмотрения (см. дела, упомянутые выше в п. 52).

65. Наконец, Суд отмечает, что наказание в отношении первой публикации оспариваемой статьи не было исполнено. Что касается второй публикации той же статьи, в обстоятельствах дела Европейский Суд полагает, что наказания были соразмерны преследуемым целям.

66. Кроме того, характер и строгость примененных санкций являются теми факторами, которые необходимо принимать во внимание при оценке соответствия вмешательства свободе выражения мнения, гарантированной статьей 10 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии» (*Cumpana and Mazare v. Romania*), жалоба № 33348/96, пункт 111, ECHR 2004-XI). Суд также должен проявлять крайнюю осмотрительность там, где принятые национальными властями меры или наложенные ими санкции таковы, что могут заставить прессу отказаться от участия в обсуждении вопросов, представляющих законный общественный интерес. Хотя Договаривающимся государствам разрешается, или они даже обязаны, на основании их позитивного обязательства в соответствии со статьей 8 Конвенции, регулировать осуществление свободы выражения мнений с целью обеспечения надлежащей защиты в соответствии с законом репутации отдельных лиц, они не должны делать это таким образом, который ненадлежащим образом удерживает средства массовой информации от выполнения ими своей роли «общественного наблюдателя» (например, путем предупреждения общественности о явном или предполагаемом злоупотреблении государственной властью, как в упоминаемом выше постановлении по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии», пункт 113). Журналисты, занимающиеся расследованиями, могут быть лишены возможности освещать вопросы, представляющие общественный интерес (например, такие как предполагаемые нарушения при заключении государственных контрактов с коммерческими организациями), если они рискуют, в качестве одной из обычных санкций, налагаемых за необоснованные нападения на репутацию частных лиц, быть приговоренными к тюремному заключению или к запрету на осуществление своей профессии (там же). Такой сдерживающий эффект, как страх перед наказанием оказывает негативное влияние на реализацию журналистами свободы выражения мнения, действует во вред обществу в целом, и также является фактором, который касается пропорциональности, а тем самым и обоснованности взысканий, наложенных на заявителя, который имел право привлечь внимание общественности к важному вопросу, представляющему общий интерес (там же, пункт 114).

67. Наконец, Суд подтвердил, что, хотя определение наказания, в принципе, является вопросом национальных судов, введение тюремного заключения за преступления в рамках прессы будет совместимо со свободой журналистского самовыражения, гарантированного статьей 10 Конвенции, только в исключительных обстоятельствах, в частности там,

где другие основные права были серьезно нарушены, как, например, в случаях разжигания ненависти и подстрекательства к насилию (см. постановление Европейского Суда от 7 марта 2019 года по делу «Саллустии против Италии» (*Sallusti v. Italy*), жалоба № 22350/13, пункт 59, и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии», пункт 115). Предварительные ограничения, налагаемые на деятельность журналистов, требуют самого тщательного изучения и оправданы только в исключительных обстоятельствах (постановление Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии», пункт 118).

68. Суд, однако, считает, что контекст настоящего дела отличается от контекста дела «Кумпана и Мазаре против Румынии», упоминаемого выше.

69. Заявителю было назначено наказание в виде штрафа незначительного размера. Суд первой инстанции также решил наложить дополнительное наказание, запрещающее ему заниматься какой-либо журналистской или издательской деятельностью.

70. Важно отметить, что наказания по настоящему делу были вынесены в контексте законодательства, направленного на борьбу с разжиганием ненависти. В конкретном контексте обвинения против заявителя назначенные наказания были направлены на защиту «прав других лиц», в частности, достоинства людей нерусской национальности, проживающих в Краснодарском крае России (ср. упоминаемое выше постановление по делу «Аксу против Турции», пункты 44, 53-54, 61 и 81). В этой связи Европейский Суд напоминает, что Договаривающимся государствам разрешается или даже они обязаны своими позитивными обязательствами в соответствии со статьей 8 Конвенции регулировать осуществление свободы выражения мнений, чтобы обеспечить надлежащую защиту со стороны закона в таких обстоятельствах и/или где основные права других лиц были серьезно нарушены. Кроме того, Европейский Суд уже выразил сомнение в том, что содержание статьи заявителя было «способно внести вклад в общественные дебаты» по соответствующему вопросу или что его «основной целью» было сделать это (см. выше пункты 60-62). Суд также отмечает, что пункт 1 статьи 282 Уголовного кодекса предусматривает возможность корректировки периода запрета на осуществление определенной деятельности, который может составлять «до трех лет». Что касается заявителя, суд ограничил это дополнительное наказание двумя годами с учетом обстоятельств дела.

71. С другой стороны, следует отметить, что в рассматриваемый период времени заявитель являлся учредителем газеты «Сочи – другой взгляд» и только изредка публиковал статьи в других местных газетах (таких как «Лазаревская панорама»), видимо, как фрилансер, помимо своей основной профессиональной деятельности в качестве

предпринимателя. Суд считает, что из обстоятельств дела не следует, что запрет на осуществление журналистской или издательской деятельности в течение двух лет имел какие-либо существенные практические последствия для заявителя. Заявитель не доказывал обратное в Суде.

72. С учетом вышеизложенного, Европейский Суд признает, что настоящее дело раскрывает исключительные обстоятельства, оправдывающие наказания, наложенные на заявителя (сравните постановление Европейского Суда от 9 мая 2018 года по делу «Стомахин против России» (*Stomakhin v. Russia*), жалоба № 52273/07, пункты 127-32). В частности, Суд считает, что, запретив заявителю заниматься журналистской или издательской деятельностью в течение двух лет, национальные суды не нарушили в настоящем деле принципа, согласно которому пресса должна быть способна выполнять роль общественного наблюдателя в демократическом обществе (см., для сравнения, упоминаемое выше постановление Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии», пункт 119).

73. Европейский Суд приходит к выводу, что по настоящему делу не было допущено нарушения статьи 10 Конвенции.

74. Придя к такому выводу, Суд считает, что нет необходимости принимать решение о том, следует ли отклонить настоящую жалобу со ссылкой на статью 17 Конвенции (см., упоминаемое выше постановление Суда по делу «Стерн Таулатс и Роура Капельера против Испании», пункт 42; сравните упоминаемое выше постановление Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 282).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

75. Заявитель жаловался в соответствии со статьей 6 Конвенции, что у него не было возможности допросить Ф., специалиста-филолога.

76. В соответствующей части статья 6 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное слушание дела...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;...»

A. Доводы сторон

77. Власти утверждали, что доклад Ф. был заказан стороной защиты; суд первой инстанции приобщил его к материалам вместе с заявлением Ф., представленным стороной защиты. Выводы Ф. соответствовали

экспертным доказательствам, свидетельствующим против заявителя и подтверждающим предъявленное ему обвинение. У заявителя было множество возможностей оспорить доказательства, оглашенные на слушании.

78. В ответ заявитель не представил в установленный срок никаких замечаний. В своей жалобе в Суд он просто упомянул со ссылкой на свое кассационную жалобу (выше пункт 26), что суд первой инстанции не допросил Ф.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

79. Европейский Суд отмечает, что данная часть жалобы по статье 6 Конвенции не является явно необоснованной по смыслу пункта 3 (а) статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, данная жалоба должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

80. Применимые общие принципы вкратце изложены Судом в постановлении от 27 марта 2014 года по делу «Матыцина против России» (*Matytsina v. Russia*), жалоба № 58428/10, пункты 166-69) и в постановлении от 6 октября 2016 года по делу «Константинидес против Греции» (*Constantinides v. Greece*), жалоба № 76438/12, пункты 37-39); см. также постановление Большой Палаты Европейского Суда от 18 декабря 2018 года по делу «Муртазалиева против России» (*Murtazaliyeva v. Russia*), жалоба № 36658/05, пункты 152-68, касательно «свидетелей» со стороны защиты.

81. Ни одна из сторон не представила Суду копию отчета Ф. или его письменных комментариев к нему (ни одна из них не была упомянута в решении суда). Материалы, находящиеся на рассмотрении Суда, не подтверждают утверждение Властей о том, что заключение Ф. было заказано стороной защиты. В то же время, заявитель рассматривал Ф. как «свидетеля стороны защиты», по-видимому, поскольку его доклад был принят в качестве доказательства по инициативе стороны защиты, даже если он содержал выводы, которые не были благоприятны для таковой (см. выше пункты 17 и 26). Суд первой инстанции и апелляционная инстанция не представили никаких оснований для отклонения ходатайства заявителя о допросе Ф.

82. По мнению Европейского Суда, независимо от того, могут ли окончательные устные показания Ф. на суде рассматриваться как «свидетельские показания» (будь то для стороны обвинения или стороны защиты), в настоящем деле следует учитывать общую справедливость разбирательства и, в связи с этим, данная жалоба должна

быть отклонена по причинам, указанным ниже.

83. В той мере, в какой может быть установлено из соответствующих выдержек в решении суда, основные выводы Ф. соответствовали ряду заключений экспертов, назначенных по уголовному делу (см. выше пункты 13, 14 и 19). Эти выводы были неблагоприятны для заявителя. Правда, в отличие от заключений экспертов, Ф. пришел к выводу, что статья заявителя содержала косвенные призывы к насильственным действиям против нерусского населения (см. выше пункт 17). Этот вывод, однако, не был рассмотрен судом первой инстанции при осуждении заявителя. Представляется, что как суд первой инстанции, так и суд апелляционной инстанции, предпочли полагаться в основном на экспертные заключения, а не на доклад Ф., который, однако, был упомянут среди доказательств, подтверждающих вину заявителя. Не утверждалось, и Европейский Суд не находит, что заявитель был ограничен в оспаривании данных экспертных заключений в ходе судебного разбирательства. Кроме того, представляется, что Ф. был допрошен в ходе предварительного следствия. Остается неясным, какие вопросы заявитель хотел задать Ф. во время судебного разбирательства или при обжаловании.

84. Таким образом, Европейский Суд полагает, что, несмотря на то, что суды не указали причины отклонения ходатайства заявителя, в конкретных обстоятельствах настоящего дела отказ вызывать Ф. для допроса в суде в отношении представленных им доказательств (то есть, его заключения специалиста) не затронул общую справедливость уголовного разбирательства в отношении заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 19 декабря 2017 года по делу «Кувейдар против Турции» (*Kuveydar v. Turkey*), жалоба № 12047/05, пункты 44-47).

85. Суд приходит к выводу о том, что в настоящем деле не было допущено нарушение статьи 6 Конвенции.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. *объединил*, единогласно, вопрос о том, должна ли применяться статья 17 Конвенции, с *существом* жалобы, поданной на основании статьи 10 Конвенции;
2. *объявил*, единогласно, что жалобы по статьям 6 и 10 Конвенции являются приемлемыми;
3. *постановил*, шестью голосами против одного, что отсутствовало нарушение статьи 6 Конвенции;
4. *постановил*, шестью голосами против одного, что отсутствовало нарушение статьи 10 Конвенции;

5. *постановил*, единогласно, что нет необходимости в данном деле принимать решение о применении статьи 17 Конвенции.

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 11 февраля 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Пол Лемменс
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судей Лемменса и Сергидеса.

П.Л.
Й.С.П.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛЕММЕНСА

1. В настоящем деле я голосовал вместе с большинством за отсутствие нарушения статьи 10 или статьи 6 Конвенции. Я также проголосовал за то, чтобы признать, что нет необходимости принимать решение о применимости статьи 17.

В связи с этим я хотел бы кратко прокомментировать связь между статьями 10 и 17 и сферу действия последней статьи.

2. Отвечая на жалобу, основанную на статье 10, Власти России в первую очередь возражали против приемлемости этой жалобы на том основании, что статьи, написанные заявителем, подпадают под сферу действия статьи 17 и поэтому были удалены из сферы защиты статьи 10. Это возражение основано на несовместимости, *ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения*, жалобы по статье 10 с Конвенцией.

Следуя строгой логике, Суд сначала должен рассмотреть данное возражение Властей и, в зависимости от результатов этого рассмотрения, решить, была ли жалоба приемлемой или нет. Если Суд установит, что заявления, сделанные заявителем, подпадают под действие статьи 17, тогда статью 10 необходимо будет объявить неприменимой, а жалобу несовместимой, *ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения* с Конвенцией, при этом нет необходимости проверять, было ли вмешательство в свободу выражения мнения заявителя законным, преследовало ли оно законную цель и было ли соразмерно этой цели (см., к примеру, решение Европейского Суда по делу «Гароди против Франции» (*Garaudy v. France*), жалоба № 65831/01, ECHR 2003-IX (извлечения); *Norwood v. the United Kingdom*, жалоба № 23131/03, ECHR 2004-XI; решение Европейского Суда от 12 июня 2012 года по делу «Хизб Ут-Тахрир и другие против Германии» (*Hizb Ut-Tahrir and Others v. Germany*), жалоба № 31098/08, пункты 74-75 и 78; постановление Европейского Суда от 14 ноября 2013 года по делу «Касымахунов против России» (*Kasymakhunov v. Russia*), жалоба № 29604/12, пункты 113-114; решение Европейского Суда по делу «М'Бала М'Бала против Франции» (*M'Bala M'Bala v. France*), жалоба № 25239/13, пункт 42, ECHR 2015 (извлечения); решение Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «Белкасем против Бельгии» (*Belkacem v. Belgium*), жалоба № 34367/14, пункт 37; и решение Европейского Суда от 17 апреля 2018 года по делу «Рой ТВ А/С против Дании» (*Røj TV A/S v. Denmark*), жалоба № 24683/14, пункты 48-49). Если, напротив, Европейский Суд установит, что заявления заявителя не подпадали под действие статьи 17, он должен будет объявить статью 10 применимой и (если жалобу не следует признать неприемлемой на другом основании) продолжить рассмотрение дела по существу.

В настоящем деле Европейский Суд фактически оставляет открытым вопрос, является ли жалоба по статье 10 приемлемой. Суд не только

присоединяется к возражению Властей относительно применимости статьи 10 к существу (см. пункт 35 постановления), но и, при рассмотрении дела по существу, делает вывод, не вернувшись сначала к вопросу о применимости статьи 10 (см. пункт 73 постановления). Действительно, Суд заявляет, что нет необходимости рассматривать вопрос о применимости статьи 17 и, следовательно, о применимости статьи 10 (см. пункт 74 постановления).

На самом деле, Суд утверждает следующее: нет необходимости решать, применима ли статья 10, так как эта статья в любом случае не была нарушена. Если бы статья 17 была применена, можно было бы сделать простой вывод; оставляя вопрос по статье 17 открытым, Европейский Суд решает начать «стандартный» анализ жалобы по статье 10, включая оценку соразмерности вмешательства.

Последний подход возможен, когда при «стандартном» анализе статьи 10 делается вывод, что жалоба является явно необоснованной или что не было нарушения этой статьи (см., к примеру, решение Европейского Суда от 8 января 2019 года по делу «Вильямсон против Германии» (*Williamson v. Germany*), жалоба № 64496/17, пункты 20-21; решение Европейского Суда от 22 января 2019 года по делу «Симунич против Хорватии» (*Simunic v. Croatia*), жалоба № 20373/17, пункт 39; и (косвенным образом) постановление Европейского Суда от 3 октября 2019 года по делу «Пасторс против Германии» (*Pastors v. Germany*), жалоба № 55225/14, пункт 49). Если бы Суд посчитал, что вмешательство не было предусмотрено законом, не преследовало законную цель или не являлось необходимым в демократическом обществе, он мог бы заключить, что имело место только нарушение статьи 10, если бы отклонил возражение Властей на основании статьи 17 (см., например, постановление Европейского Суда по делу «Вайнай против Венгрии» (*Vajnai v. Hungary*), жалоба № 33629/06, пункты 26 и 58, ECHR 2008; постановление Европейского Суда от 22 апреля 2010 года по делу «Фатуллаев против Азербайджана» (*Fatullayev v. Azerbaijan*), жалоба № 40984/07, пункты 81 и 105; постановление Европейского Суда от 13 января 2015 года по делу «Рубинс против Латвии» (*Rubins v. Latvia*), жалоба № 79040/12, пункты 49 и 93; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Peringek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08, пункт 282, ECHR 2015 (извлечения); постановление Европейского Суда от 13 марта 2018 года по делу «Стерн Таулац и Роура Капельера против Испании» (*Stern Taulats and Roura Capellera v. Spain*), жалоба №№ 51168/15 и 51186/15, пункт 42; и постановление Европейского Суда от 28 августа 2018 года по делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против России» (*Ibragim Ibragimov and Others v. Russia*), жалобы №№ 1413/08 и 28621/11, пункт 124).

3. По моему мнению, Европейский Суд мог бы установить, что статьи

заявителя не подпадают под действие статьи 17 Конвенции, а затем заключить, что (тем не менее) нарушения статьи 10 не было (см., аналогичный подход в постановлении Европейского Суда от 16 июля 2009 года по делу «Фере против Бельгии» (*Feret v. Belgium*), жалоба № 15615/07, пункт 82).

В действительности, Суд подтверждает, что статья 17 применима только на исключительной основе и в крайних случаях (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 6 января 2011 года по делу «Паксас против Литвы» (*Paksas v. Lithuania*), жалоба № 34932/04, пункт 87). В делах, касающихся статьи 10 Конвенции, «к ней следует прибегать только в том случае, когда сразу становится понятным, что оспариваемые заявления служили задачам отклонения этой статьи от ее реального назначения, используя право на свободу выражения мнения в целях, явно противоречащих ценностям Конвенции (см. упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 114; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Роу ТВ А/С против Дании», пункт 46; упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Ибрагим Ибрагимов и другие против России», пункт 62; и упоминаемое выше постановление Европейского Суда по делу «Пасторс против Германии», пункт 37). Решающим аспектом в соответствии со статьей 17 является определение того, «пытались ли заявления заявителя разжигать ненависть или насилие, и пытался ли он при этом, ссылаясь на Конвенцию, участвовать в какой-либо деятельности или совершать действия, направленные на разрушение заложенных прав и свобод, изложенных в Конвенции» (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 115).

В настоящем деле «Суд согласен с национальными судами в том, что формулировка оспариваемых заявлений может быть обоснованно оценена как разжигание низменных эмоций или укоренившихся предубеждений в отношении местного населения нерусской национальности» (см. пункт 64 постановления).

Статьи заявителя носили явно ксенофобский характер. Это не означает, однако, что они были полностью незащищены в соответствии со статьей 10. По моему мнению, для применения статьи 17 (и неприменения статьи 10) должен иметься «призыв к ненависти, насилию или нетерпимости» (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 239, и сравните с формулировкой, используемой в постановлениях, упоминаемых в пункте 52 настоящего постановления). Я не думаю, что статьи заявителя могут быть истолкованы как содержащие такой призыв. Заявитель просто выразил свое недовольство присутствием «нерусских». Следовательно, статья 17 не применима, а статья 10 применима.

4. По причинам, изложенным в решении, я согласен с тем, что у

властей были веские основания реагировать на заявления заявителя (см. пункт 64 постановления) и что нарушения статьи 10 не было.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЕРГИДЕСА

1. Данное мнение представляет собой не всеобъемлющую точку зрения, а скорее простое изложение суждения.

2. К сожалению, я не согласен с выводом Европейского Суда о том, что в данном деле не было нарушения статей 10 и 6 Конвенции.

3. Заявитель был признан виновным в разжигании ненависти и вражды и унижении человеческого достоинства лица или группы лиц по причине их этнической принадлежности, и был наказан наложением запрета на осуществление журналистской или издательской деятельности в течение двух лет и, кроме того, ему был назначен штраф в размере 200 000 российских рублей (в то время 5 086 евро) за каждую публикацию его статьи. Следует отметить, что данная статья была опубликована дважды.

4. Что касается статьи 10, Суд в настоящем деле придерживался, в основном, своей предыдущей устоявшейся прецедентной практики в отношении толкования пункта 2 статьи 10, согласно которой «свобода выражения мнения предполагает некоторые исключения, которые, тем не менее, должны узко трактоваться, а необходимость ограничений должна быть убедительно обоснована» (см. пункт 48 постановления). Это установлено совершенно верно, поскольку требование или аспект принципа эффективности заключается в том, что ограничения прав должны толковаться строго и узко. Однако, на мой взгляд, Суд придерживался своего предыдущего подхода в отношении толкования и применения ограничений свободы выражения только теоретически, а не на практике. Хотя Суд заявил, что он применял этот подход к фактам настоящего дела, на мой взгляд, он этого не сделал. Я утверждаю, что ограничения, наложенные на заявителя, не были необходимы в демократическом обществе; обжалуемое вмешательство было основано на причинах, которые, с точки зрения дела в целом, не были «уместными и достаточными» для его обоснования. Кроме того, по моему мнению, наказание, назначенное заявителю и запрещающее ему заниматься журналистской или издательской деятельностью в течение двух лет (в дополнение к наказанию в виде штрафа, который также был высоким), было несоразмерным в данных обстоятельствах, нарушая тем самым права заявителя в соответствии со статьей 10 и принцип, согласно которому пресса должна быть способна выполнять роль общественного наблюдателя в демократическом обществе. Этот принцип был провозглашен, *помимо прочего*, в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпана и Мазаре против Румынии» (*Cumpana and Mazare v. Romania*) (жалоба № 33348/96, ECHR 2004-XI), где Суд посчитал, что «запретив заявителям работать журналистами в качестве меры пресечения общего характера, хотя и в течение установленного срока, национальные суды нарушили принцип, согласно

которому пресса должна быть способна выполнять роль общественного наблюдателя в демократическом обществе» (пункт 119).

5. Что касается пункта 1 статьи 6, то, при должном уважении мнения большинства, я утверждаю, что тот факт, что заявителю не была предоставлена возможность допросить свидетеля Ф., специалиста по филологии, подорвал его права в качестве подсудимого и повлиял на общую справедливость уголовного преследования в отношении его прав в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 и принципа эффективности. Право допросить свидетелей в соответствии с подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 является минимальным правом для каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления. Ввиду того, что заявителю было запрещено провести перекрестный допрос свидетеля Ф., защита его права на справедливое судебное разбирательство в соответствии со статьей 6 Конвенции не являлась ни практической, ни эффективной. Любое другое толкование статьи 6 не будет отражать ее цель и понятие справедливого судебного разбирательства. Из постановления следует, что показания этого свидетеля не были благоприятными для заявителя (см. пункты 17, 26 и 81). Национальные суды не представили оснований для отклонения ходатайства заявителя о допросе свидетеля Ф. (см. пункты 81 и 84 постановления), несмотря на то, что доклад свидетеля Ф. был принят в качестве доказательства (там же), и, таким образом, бесспорно оказал некоторое влияние на мнение судей.

6. Поскольку я нахожусь в меньшинстве, определение суммы морального вреда, которую я присудил бы заявителю за два вышеуказанных нарушения, является чистым теоретизированием. Поэтому я воздержусь от рассмотрения данного вопроса.